

Элегантная классика
ТЕМНАЯ ЛЮБОВЬ

Потусторонние истории

Эдит Уортон

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
У64

Edith Wharton
GHOST STORIES

Перевод с английского *Юлии Калистратовой*

Литературный редактор *Олеся Царёва*

Художественное оформление переплёта *Натальи Каштыкиной*

Уортон, Эдит.

У64 Потусторонние истории / Эдит Уортон ; [перевод с английского Ю. Калистратовой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Элегантная классика. Тёмная любовь).

ISBN 978-5-04-220312-1

Сборник «Потусторонние истории» Эдит Уортон представляет собой изящную и мастерски составленную коллекцию из пятнадцати рассказов Эдит Уортон, в которых жанр классических историй о призраках переплетается с глубоким психологизмом и социальным подтекстом. Эти рассказы погружают читателя в атмосферу необъяснимой тревоги, мистики и напряжённого ожидания, где призраки часто становятся метафорой моральных конфликтов, подавленности и душевных терзаний.

Действие происходит в мрачных особняках и отдалённых усадьбах, а главными героями чаще всего оказываются женщины, сталкивающиеся с ограничениями своего времени и собственного положения. Их внутренние страхи, боль и одиночество преобразуются в непостижимые сверхъестественные явления.

Стиль Уортон характеризуется тонкой психологической проработкой персонажей, насыщенностью описаний и тщательным построением сюжета, что делает рассказы одновременно элегантными и глубоко тревожащими. Этот сборник — не просто классика ужасов, а проникновенное исследование человеческой души, скрывающейся за маской внешнего благополучия.

«Потусторонние истории» — книга для тех, кто ценит не только атмосферу сверхъестественного, но и художественную силу слова, раскрывающего неизведанные глубины человеческого страха и чувства вины.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Калистратова Ю., перевод
на русский язык, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-220312-1

Полнота жизни

I

Вот уже несколько часов она пребывала в безмятежной апатии сродни той сладкой дреме, которая овладевает тобой в тишине летнего полудня, когда от зноя умолкают даже птицы и насекомые, и ты, утонув в мягком море полевой травы, смотришь сквозь навес кленовых листьев на бескрайнюю, лишённую оттенков и не оставляющую простора для фантазии синеву. То и дело, подобно все более редким сполохам зарницы в летнем небе, её пронзала боль — слишком скоротечная, чтобы вывести из восхитительного, умиротворяющего, бездонного оцепенения, в которое она погружалась все глубже и глубже, без малейших порывов к сопротивлению или попыток схватиться за исчезающие края сознания.

И сопротивление, и борьба уже давно исчерпали свое неистовство и затихли. В её сознании, долго терзаемом гротескными видениями из обрывков той жизни, которую она покидала — будоражащими строками прочитанных стихов, навязчи-

выми фрагментами увиденных картин, размытыми впечатлениями от рек, башен и куполов полузабытых путешествий, наслоившихся друг на друга, — теперь едва шевелились лишь примитивные ощущения бесцветного благополучия: смутное удовлетворение от мысли, что ей больше не придется глотать противные лекарства... что она больше не услышит скрипа сапог мужа — этих отвратительных сапог — и что никто не придет беспокоить ее по поводу завтрашнего обеда... или счетов от мясника...

Наконец и эти ощущения растворились в обволакивающем забытьи. Мир потонул в сумраке, который то наполнялся бледными розами, плавно и бесконечно кружащими перед ней в геометрическом узоре, то сгущался до однородного иссиня-черного оттенка беззвездной летней ночи. Она все глубже погружалась во тьму, куда ее будто бы опускали нежные сильные руки. Темная волна подступила со всех сторон, заключая ее размякшее усталое тело в свои бархатистые объятия; медленно достигла груди, плеч, с мягкой неумолимостью подобралась к шее, подбородку, коснулась ушей и рта... Ай, слишком высоко — сдаваться нельзя! Нельзя вот так, без борьбы... Рот залило... нечем дышать...

На помощь!

— Все кончено, — объявила сиделка, закрыв ей веки с профессиональной невозмутимостью.

Часы пробили три. Кто-то распахнул окно и впустил поток того странного, нейтрального воздуха, который можно застать между темнотой и рассветом; кто-то другой вывел мужа в соседнюю комнату. Тот вышел послушно, как слепой, поскрипывая сапогами.

II

Ей чудилось, что она стоит на пороге, хотя никакого осязаемого входа перед ней не было. Лишь широкая полоска света, мягкого и одновременно яркого, как дорожка из бесконечного

множества переливающихся звезд, пролегла перед ней, создав блаженный контраст с пещерной тьмой, из которой она только что вышла.

Она шагнула — без боязни, но осторожно, — и по мере того как глаза все больше привыкали к тающим глубинам света вокруг, стала различать контуры пейзажа, сначала расплывавшиеся в опаловой неопределенности эфемерных творений Шелли, затем постепенно обретавшие более четкие формы: залитую солнцем равнину, заоблачные вершины гор, потом серебристый изгиб текущей по долине реки с голубой кромкой деревьев по сторонам... Своим непередаваемым лазурным оттенком пейзаж напоминал картины Леонардо — он был таким же таинственным, чарующим, странным, манящим воображение в страну необъяснимого блаженства. Ее сердце затрепетало от восторга и удивления в предвкушении того, что сулила кристально чистая даль.

— Значит, смерть все же не конец, — услышала она собственный радостный голос. — Я так и знала! Разумеется, я никогда не сомневалась в Дарвине и до сих пор ему верю. Однако, если не ошибаюсь, Дарвин сам признавался, что полон сомнений по поводу души, Уоллес защищал спиритизм, а Сент-Джордж Майварт — тот и вовсе... — Она устремила взор в неземные очертания гор вдаль. — Какая красота! Какая благодать! — прошептала она. — Быть может, я наконец испытаю, что значит по-настоящему жить.

С этими словами она почувствовала, как сердцебиение участилось, и, подняв глаза, увидела перед собой Духа жизни.

— Ты в самом деле не ведаешь, что значит по-настоящему жить? — спросил Дух жизни.

— Мне неведома та полнота жизни, — отвечала она, — которую все мы считаем себя способными познать. Хотя до меня долетали разрозненные намеки на существование этой самой полноты; так тот, кто далеко в море, изредка улавливает запах земли.

— А что ты называешь полнотой жизни? — спросил опять Дух.

— Как же я объясню тебе, если ты не знаешь? — почти с упреком воскликнула она. — Ее описывают по разному — часто такими словами, как «любовь» и «привязанность», хотя, по-моему, они не совсем подходят, да и мало кто понимает их истинное значение.

— Ты была замужем, — продолжал Дух, — и тем не менее полноты жизни не испытала?

— Вот еще! — Она презрительно фыркнула. — Мой брак был крайне неполноценным.

— Разве ты не любила мужа?

— Отчего же? Любила — так, как любят бабушку, родительский дом, старую няню. Я мужа уважала, нас считали счастливой парой. Однако порой у меня возникала мысль, что женщина подобна большому дому со множеством комнат: есть прихожая, через которую все входят и выходят; приемная для официальных посетителей; гостиная, куда заходят все члены семьи, когда им вздумается... но помимо этих есть много других комнат, двери которых, возможно, никогда не открываются — никто не знает, где они и куда ведут; а в самой дальней, потаенной комнате, в святая святых, сидит в одиночестве душа и ждет звука шагов, которых никогда не услышит.

Немного помолчав, Дух спросил:

— Стало быть, твой муж никогда дальше гостиной не бывал?

— Никогда! — отрезала она. — И самое ужасное — его это вполне устраивало! Ему там нравилось, и порой, когда он восхищался ее банальным убранством, столами и стульями, которые могли бы стоять в салоне любой гостиницы, хотелось крикнуть: «Глупец! Неужели ты не догадываешься, что совсем рядом находятся комнаты, полные сокровищ и чудес, каких свет не видывал, комнаты, куда не ступала нога человека и которые могли бы стать твоими, если бы ты только отыскал нужные двери?»

— Значит... — продолжил Дух, — те мгновения, о которых ты говорила раньше, те разрозненные намеки на существование полноты жизни — ты испытала их не с мужем?

— О нет! Муж был другого склада. У него вечно скрипели сапоги, и, уходя, он неизменно хлопал дверью, и еще он не читал ничего, кроме бульварных романов и спортивных новостей, и... в общем, мы друг друга совершенно не понимали.

— Тогда откуда у тебя могли возникнуть те восхитительные ощущения?

— Трудно сказать. Порой их вызывал цветочный аромат, порой — стих Данте или сонет Шекспира; порой картина, или закат, или один из тех спокойных дней на море, что кажется, будто лежишь в голубой перламутровой раковине; порой — хотя реже — произнесенное кем-то слово отзывалось во мне так, как я сама и выразить не могла.

— Кем-то, в кого ты была влюблена? — не отставал Дух.

— Я ни разу не влюблялась, — печально вздохнула она, — и никого конкретно не подразумевала. Двум или, может, трем удавалось задеть во мне некую струну и извлечь одну-единственную ноту странной мелодии, которая обычно спала в моей душе. Крайне редко этот отклик бывал вызван людьми — и уж точно ни один человек не дарил мне такого полноценного счастья, какое однажды довелось испытать в церкви Орсанмикеле во Флоренции.

— Расскажи, пожалуйста, — попросил Дух.

— Случилось это перед самым закатом на Пасхальной неделе. Целый день шел дождь, а под вечер налетевший откуда-то ветер разогнал облака, и, когда мы вошли в церковь, марево проникало внутрь сквозь высокие окна, делая их похожими на горящие в сумерках фонари. Перед алтарем белела в дымке мантия священника; над головой его, как светлячки, мерцали свечи; несколько человек стояли, преклонив колени. Мы тихонько подошли и сели на скамью возле беломраморного табернакля Орканьи.

Хотя я и раньше бывала во Флоренции, как ни странно, ни разу в ту церковь не заходила, так что впервые увидела инкрустированные ступени, рифленые колонны, скульптурные барельефы и своды сей прекрасной обители в этом волшебном свете. Мрамор, отмеченный печатью времени, приобрел какой-то непередаваемо розовый оттенок, отдаленно напоминавший медовый цвет колонн Парфенона, но более таинственный, неуловимый, рожденный не от обыденного поцелуя солнца, а от дуновения погребальных сумерек, пламени свечей на могилах мучеников и отблесков заката сквозь витражи из рубина и хризопраза; такой свет падает на трепки в библиотеке Сиены, им светится Мадонна Беллини в церкви Искупителя в Венеции — это полусвет Средневековья, более насыщенный, возвышенный и весомый, чем незамутненный солнечный свет Греции.

В церкви было тихо, если не считать бормотаний священника да случайного скрежета стульев об пол. Я сидела, растворяясь в этом свете и погружившись в восторженное созерцание возвышавшегося надо мной мраморного чуда, с его инкрустацией драгоценными камнями, потускневшей позолотой, выполненного так же искусно, как если бы это была шкатулка из слоновой кости; и вдруг я почувствовала себя влекомой могучим потоком, берущим начало у истоков всего и вбирающим в себя бурные реки человеческих страстей и стремлений. Словно сама жизнь, во всевозможных ее проявлениях, во всей красоте и необычности, плела вокруг меня ткань ритмичного танца — а я двигалась ей в такт и с каждым шагом, встречая чью-либо душу, понимала, что уже с ней знакома.

Пока я созерцала табернакль Орканьи, его средневековый орнамент начал будто растекаться и принимать первобытную форму: в мраморные кувшинки и греческий акант вплелись кельтские узлы и нордические чудища с рыбьими хвостами, а все ужасы и красоты рельефов, когда-либо созданных рукой человека от Ганга до Балтики, смешались в апофеозе образа Марии. Поток уносил меня все дальше, мимо чуждых масок ан-

тичных цивилизаций и знакомых чудес Греции, пока не выбросил на берег бушующего Средневековья с его клокочущими вихрями страстей и безоблачной гладью искусств и поэзии. До меня донеслись ритмичные удары молотков в ювелирных мастерских и в стенах церквей, крики вооруженных людей на узких улочках, органная дробь стихов Данте, треск поленьев вокруг Арнольда Брешианского¹, щебет ласточек, которым проповедовал святой Франциск, смех дам, слушающих на склоне холма остроты из «Декамерона» под стоны охваченной чумой Флоренции, — все это и многое другое слилось с голосами более древними и более отдаленными, неистовыми или нежными, но приглушенными до такой величественной гармонии, будто утренние звезды затянули хором песнь, которая зазвучала у меня в ушах. Сердце рвалось из груди, дыхание перехватило, слезы жгли веки; открывшиеся мне радость и тайна были почти непереносимыми. Слов той песни я разобрать не могла, однако знала точно: окажись рядом некто способный ее расслышать, мы вместе запели бы с ней в унисон.

Помню, как повернулась к мужу, который сидел с видом терпеливого уныния и разглядывал дно своей шляпы. Внезапно он встрепенулся, вытянул затекшие ноги и тихо сказал: «Может, пойдем уже? Смотреть тут все равно особо не на что, а ужин в гостинице подают в половине шестого».

Закончив рассказ, она замолчала. Тогда Дух жизни произнес:

— У меня есть то, чего ты жаждешь.

— Неужели ты меня понял?! — воскликнула она. — Что же у тебя припасено, умоляю, скажи!

¹ Арнольд из Брешии — итальянский религиозный и общественный деятель XII века, реформатор. Под влиянием Пьера Абеяра проповедовал отказ от роскоши в церковной жизни и возврат к первоначальному христианству, чем противопоставил свое учение римским папам. После многократных изгнаний казнен по приказу папы Адриана IV.

— Так заведено, — ответил Дух, — что всякая душа, не нашедшая в земной жизни родственную душу, перед которой она смогла бы полностью раскрыться, встретит такую здесь и они соединятся на веки вечные.

С ее губ сорвался восторженный крик:

— Ах! И мне суждено его найти?

— Вот он, — промолвил Дух жизни.

И действительно, перед ней стоял мужчина, чья душа (ибо в необычном свете она куда явственнее видела его душу, нежели лицо) с непреодолимой силой влекла ее к себе.

— Это и вправду ты? — прошептала она.

— Да, это я, — ответил он.

Они взялись за руки и подошли к балюстраде, нависшей над долиной.

— И что же, теперь мы спустимся вместе в эту волшебную страну? — спросила она. — Увидим ее одними и теми же глазами, опишем наши мысли и чувства одними и теми же словами?

— Это именно то, — ответил он, — о чем я мечтал и на что надеялся.

— Неужели? — радостно воскликнула она. — Неужели и ты меня искал?

— Всю свою жизнь.

— Как чудесно! А в том, другом мире не нашлось той, которая понимала бы тебя?

— Всецело? Нет... не так, как понимаем друг друга мы с тобой.

— Значит, ты чувствуешь то же самое? О, какое счастье, — выдохнула она.

Они стояли рука об руку у парапета, глядя вниз на мерцающий пейзаж, раскинувшийся перед ними в сапфировом пространстве; до Духа жизни, который остался стоять на страже у порога, долетали подобно ласточкам, отделенным ветром от перелетного племени, обрывки их разговора.

— Ты когда-нибудь ощущал на закате...

— О да! Но ни разу не слышал об этом от кого-то еще, а ты?

— А помнишь ту строчку из третьей песни «Ада» в «Божественной комедии»?

— Ах, моя любимая строчка. Мыслимо ли...

— А склонившаяся Победа на фризе Ники Аптерос?

— Та, которая завязывает сандалии? Тогда ты, верно, тоже подметила, как в летящих складках ее туники уже угадываются будущие Боттичелли и Мантенья?

— Ты когда-либо замечал после осенней грозы...

— Конечно, разве не удивительно, что определенные цветы наводят на мысль об определенных художниках: аромат гвоздики — о Леонардо, розы — о Тициане, туберозы — о Кривели...

— Вот уж не думала, что кто-то еще это заметил.

— Ты когда-нибудь представляла...

— О да, и очень часто, но и понятия не имела, что это приходило в голову кому-то еще.

— И ты, без сомнения, ощущала...

— Да, да! Значит, и ты...

— До чего же прекрасно! Просто изумительно...

Их голоса становились то громче, то тише, как журчание двух фонтанов, перекликающихся в цветистом саду. Наконец он в нетерпении повернулся к ней и молвил:

— Любовь моя, к чему задерживаться дольше? Нас ждет целая вечность. Отправимся же вместе в эту прекрасную страну и заживем в доме на каком-нибудь голубом холме над сияющей рекой.

При этих словах она вдруг выдернула руку, которая все еще покоилась в его руке, и он почувствовал, как на безоблачность ее души набежала тень.

— В доме? — медленно повторила она. — В доме, где ты и я будем жить вечно?

— Конечно, любовь моя. Разве я не та душа, к которой всегда стремилась твоя?

— Д-да, но... но понимаешь, дом не будет мне домом, пока...

— Пока что?.. — опешил он.

Она промолчала, поймав себя на неожиданной мысли: «Пока ты не начнешь хлопать дверями и носить скрипучие сапоги».

Меж тем он вновь взял ее руку и еле заметно потянул к сияющим ступеням, спускавшимся в долину.

— Идем же, о душа моей души, — взмолился он, — к чему медлить? Ведь тебе, как и мне, даже вечность слишком коротка, чтобы вместить наше блаженство. Я уже представляю себе наш дом. Недаром я столько раз видел его во сне. Он белый — да, любовь моя? — белый с гладкими колоннами и скульптурным карнизом на голубом фоне. Так ведь? Он окружен рощами лавра и олеандра, зарослями роз, а с террасы, куда мы выходим на закате, открывается вид на лес и прохладные луга; там, в глубине, под вековыми ветвями течет ручей, неумолимо стремящийся к реке. Внутри мы развесим наши любимые картины, а комнаты наполним книгами. Подумай, дорогая, у нас наконец-то будет время все их прочесть! С которой начнем? Помоги же мне выбрать: «Фауст» или «Новая жизнь», «Буря» или «Прихоти Марианны», а может, тридцать первую песнь «Рая», или «Эпипсихидион», или «Люсидас»? С какой начнем, дорогая?

Перечисляя названия, он видел, как ответ был вот-вот готов сорваться с ее губ, однако так и не прозвучал — она стояла неподвижно, не давая увлечь себя дальше.

— В чем дело? — с тревогой спросил он.

— Погоди, — неуверенно начала она. — Скажи, а ты уверен? Не осталось ли на земле той, о ком ты порой вспоминаешь?

— После встречи с тобой — ни о ком, — ответил он. Ибо, будучи мужчиной, он и в самом деле обо всех других забыл.

Она по-прежнему не двигалась, и он видел, как стучалась набежавшая на ее душу туча.

— Не может быть, любовь моя, — продолжал он, — чтобы тебя это заботило. Ведь я переплыл Лету. Прошое для меня растаяло, как облако в преддунном небе. До встречи с тобой я не жил.

Она не отвечала на его мольбы. Наконец, с видимым усилием очнувшись, она отвернулась от него и подошла к Духу жизни, который стоял все там же, у порога.

— Я хочу задать тебе вопрос, — срывающимся от волнения голосом сказала она.

— Задавай, — отозвался Дух.

— Давеча ты говорил, что всякая душа, которая не встретила родственную душу на земле, обретет ее здесь.

— Разве ты не нашла свою? — удивился Дух.

— Я-то нашла, а найдет ли ее мой муж?

— Нет, — ответил Дух жизни, — ведь муж твой считал, что уже встретил родственную душу в твоём лице, — а от подобных иллюзий не излечит даже вечность.

Она тихонько ахнула. Было ли то разочарование или триумф?

— Тогда... тогда что станет с ним, когда он окажется здесь?

— Этого я сказать не могу. Он, безусловно, обретет некое занятие и счастье в меру своей способности быть активным и счастливым...

— Муж никогда не будет счастлив без меня! — прервала она его сердито.

— Не уверен, — отвечал Дух. Не дождавшись никакой реакции, он продолжил: — Он не станет понимать тебя здесь лучше, чем на земле.

— Ну и пусть! — отрезала она. — Страдать буду лишь я одна, ведь он всегда думал, что понимает меня.

— Его сапоги не перестанут скрипеть...

— Ну и пусть.

— И он так же громко будет хлопать дверями...

— Наверняка.

— И продолжать читать бульварные романы...

— Бывают люди и похуже, — возразила она.

— И ведь ты сама говорила, что его не любишь.

— Верно, — ответила она просто. — Но неужто ты не понимаешь, что без него я не смогу почувствовать себя как дома? На